

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ЗАДАЧИ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Лев ГУДКОВ

Природа «путинизма»

Нынешний кризис со всей ясностью показал, что сложившаяся в 2000-е гг. в России политическая система не просто консервативна (сопротивляется изменениям ее самой, не способна к инновациям) — это институт, одна из функций которого (смысл его деятельности) — сдерживание, блокирование или даже парализация развития других подсистем общества, включая экономику, науку, образование, коммуникации, гражданское общество, публичную сферу жизни¹. Путинский режим, начав с подчинения себе СМИ, а затем судебной системы и парламента, подавил процессы функциональной дифференциации институциональной системы, отделения «общества от государства», инициированные реформами 90-х гг. Я имею в виду не только признание самостоятельности «ветвей власти», продекларированное Конституцией 1993 г., однако практически не реализованное, но и относительной независимости («автономности») общественных институтов: ту же экономику, образование, гражданское общество и проч. — от «государства», т. е. от интересов тех, кто присваивает себе всю полноту исполнительной власти. После крупного бизнеса (борьбы с «олигархами»), региональных и муниципальных властей пришел черед признавать свою зависимость от кремлевской администрации и общественным объединениям или организациям, не имеющим прямого отношения к государству или политическим проблемам (примеров здесь множество — от смены руководства в Союзе кинематографистов до введения в курс школьного обучения «Основ православной культуры»). Сегодня речь уже

идет не о новом «застое», а о нарастающих явлениях социальной и культурной деградации страны, вызванных подавлением процессов модернизации. Не столь очевидные в экономике (по крайней мере, до кризиса), эти процессы инволюции очень ощутимы в ценностной сфере, в науке, в общественной морали, в системе образования, т. е. в тех сферах, где негативные последствия политики полицейского государства полностью проявятся только в следующем поколении². Усиливающийся контроль кремлевской администрации над избирательной системой, над общественными организациями, интервенции государства в экономику не уравновешиваются вялым сопротивлением общества или ростом коррупции, компенсирующей отчасти для населения произвол государства.

Следуя собственной логике усиления власти, нынешний режим сам по себе уже не может остановиться в этом движении; этот процесс не имеет обратной силы: объем принуждения, как мы видим, с каждым годом растет и будет расти, масштабы фальсификации выборов или новых судебных процессов будут увеличиваться, стремление к господству над обществом (борьба со «шпионажем», с «экстремизмом», с фальсификаторами истории, со «злоупотреблениями» в Интернете, с «невыплатой налогов» и т. п.) явно не будет слабее. Возможно, режим достиг уже той стадии, когда простой инстинкт самосохранения тех, у кого сейчас находится вся полнота власти, заставляет их продолжать делать то, что они уже делают, даже если они понимают всю нежелательность или опасность такого хода событий. Масштабы злоупотреблений властью

¹ В принципе можно указать и на другие структуры, еще более консервативные или даже реакционные в стремлении навязать обществу свои архаические нормы поведения и представления, например, об армии или церкви, но они (пока) не претендуют на тотальный характер воздействия.

² Настоящая угроза для будущего страны заключается не в ухудшающейся демографии, а в усиливающейся примитивизации общественной жизни, снижении человеческого потенциала, вызванном усилением государственного вмешательства в общественную жизнь, отуплении и апатии населения, неспособного вообразить иную жизнь и желать ее.

или даже преступлений против закона (примеры В. Шаманова, А. Бульбова или Ю. Лужкова — лишь первые, лежащие на поверхности) не оставляют им шансов отойти от дел и передать власть другим группам, поскольку отдать власть для них означает — оказаться самим в заключении¹. Поэтому так важно понять природу этого режима, логику его развертывания, и сценарии его изменения.

От того, как мы определяем характер нынешнего режима (как «путинское правление», как «путинизм»² или как «контрольный режим», корпорация «силовиков», «ментовское государство»³, «госмонкап» / = государственный монополистический капитализм / и т. п.), зависят наши возможности анализа его устойчивости (эффективности институтов, ресурсов массовой поддержки) и перспектив эволюции или трансформации. Сегодня пониманию его природы мешает инерция нашего мышления, укладывающего новые явления в готовые шаблоны политологической классификации. Я попробую наметить некоторые его характеристики, отталкиваясь от противного.

Есть два расхожих мнения: 1) страна возвращается в СССР / нынешний режим — разновидность фашизма (таковы, например, аналогии режима Путина с «корпоративным государством» или ранним периодом правления Муссолини, выдвинутые З. Бжезинским или А. Мотылем) и 2) нынешний режим — это персональная авторитарная власть Путина. И то и другое мнение, на мой взгляд, неверны, поскольку их источник — разочарование, вызванное несоответствием либеральных ожиданий, оказавшихся иллюзиями, и действительности, а также одно-

мерностью западных политологических шаблонов транзитологии, прилагаемых к описанию российской политической системы. Хотя он выстроен, по словам Ю.А. Левады, из «кусков», «обломков конструкций» и «материала» старой системы, сам набор институтов, их композиция и, главное, их функция, стали другими⁴. Я полагаю, что условный «путинизм» — это новое и не описанное в политической науке явление. Новыми, как я считаю, являются, прежде всего, *системы легитимации господства* (авторитета) и *технологии власти* (в том числе массового управления).

В последнее время российская политическая система все чаще привлекает к себе внимание исследователей⁵, однако, несмотря на усиливающийся интерес и умножающееся число публикаций, приходится констатировать, что пока нет адекватного понятия для этого явления, а значит, нет возможности строгой фиксации особенностей режимов этого типа. Само использование разнообразных, хотя и близких по конструкции определений этого вида господства (таких, как «симулятивная», «имитативная» демократия», «гибридный», «химерический» или «кентаврический» режим), указывает на неудовлетворенность исследователей имеющимся аналитическим инструментарием. Если зарубежные политологи пытаются вписать «путинизм» в один общий ряд авторитарных режимов, специфических для транзитологических процессов, сравнивая при этом Россию с Мексикой или латиноамериканскими режимами, Индонезией, Малайзией, Сингапуром и т. п.), то российские ученые (например, Д.Е. Фурман) рассматривают российскую политическую систему как «нормальную» диктатуру в рамках общей шкалы с другими квазиавторитарными режимами, возникшими на развалинах СССР и озабоченных адаптацией к переменам, которые представляются им «неорганичными», неже-

¹ Эта проблема (назовем ее «отсутствие легитимных механизмов смены власти», связанной с подавлением интересов разных групп в обществе) является частью наследия большевиков, но раскрывается она как символический «дефицит легитимности», обусловленный самой технологией господства, используемой «путинизмом».

² Возникшее в последние год-два (причем независимо друг от друга у исследователей из разных стран) номинативное понятие «путинизм» не отражает специфики и структуры явления, поскольку невольно семантически связывает его с личностью В.В. Путина. Единственно, что при этом ухватывается, — интуитивно ощущаемая новизна и самодостаточность («нормальность», как говорит Д.Е. Фурман, этого типа правления для государств постсоветского пространства), а также некоторые отличия этого режима от других форм репрессивных или тоталитарных правлений. Первая, насколько я могу судить, употребила его американская исследовательница, историк Гулага Энн Эпплбаум. См.: Applebaum A. Putinism. Democracy, the Russian Way // Berliner Journal. 2008. № 16. P. 43–47.

³ См.: Никитинский Л. Ментовское государство как вид. Неправильственный доклад. — <http://www.ru.j.ru/authors/nikitinskiy/090319-1.htm>

⁴ Дискуссионным оказывается и время формирования режима: одни аналитики полагают, что он является поздним инвариантом советской системы, другие относят его либо к 1991 г., либо к 1993 или даже — к 1996. Я полагаю, что режим начал складываться после 1999 г. и окончательно оформился к 2004 г., после Беслана и маленькой «административной революции» Путина.

⁵ См.: Motyl A. Russland: Volk, Staat und Führer: Elemente eines faschistischen Systems // Osteuropa. 2009. 59. Jg. H. 1. S. 109–124; Casula Ph., Perovic J. (Eds). Identities and Politics During the Putin Presidency. The Foundations of Russia's Stability. Ibidem. 2009; Heinemann-Grüder A. Kontrollregime. Russland unter Putin & Medvedev // Osteuropa. 2009. 59. Jg., H. 9. S. 27–48. В последней работе приводятся многочисленные ссылки на новейшую литературу по вопросам квалификации и определения путинско-медведевского режима..

лаемыми, «навязанными извне» (в Белоруссии, Азербайджане, Казахстане и в других центральноазиатских государствах)¹.

Мы болтаемся между моделями западной демократии, которые для некоторых сообществ играют роль нормативной оценки происходящего в стране (и, со своей стороны, служат важным элементом исследовательской самоидентичности), и памятью о советском, т. е. тоталитарном, прошлом. У тех, кто разделяет названные две точки зрения на российскую действительность, происходящее сравнивается либо с идеальными представлениями о «демократии» и «политике», какой она должна быть, причем неявно предполагается, что сфера политического обязательно представляет собой в «нормальных случаях» четкое разделение властей, конкуренцию политических партий, выдвигающих в своих программах те или иные политические цели, подлежащие обязательной реализации исполнительной властью, и стратегии их достижения, а также наличие партийных правительств, сформированных по итогам выборов, дееспособного парламента, где партия власти и оппозиция контролируют реализацию этих стратегий через контроль над исполнением бюджета и парламентские запросы и прочие механизмы целеполагания и установления ответственности высшего руководства за проводимую политику. Либо же нынешнее состояние соотносится с неопределенным представлением о советской системе, но сами характеристики, подлежащие сравнению, при этом не выявлены².

¹ Д.Е. Фурман в своих выступлениях в последние годы сравнивает разные проявления его с фазами развития одной и той же системы, феноменально отличающимися друг от друга; но это различие, полагает он, подобно несходству фотографий одной и той же женщины в разном возрасте: молодой девушки, зрелой женщины и старушки.

² Из двух основных подходов к проблеме тоталитаризма, связанных либо с политико-философским анализом «тоталитаризма», представленном Х. Арендт в ее «Истоках тоталитаризма», и сравнительно-типологическим исследованием тоталитарных режимов, предложенным К.-Й. Фридрихом и З. Бжезинским, я выбираю последний. Их определение «тоталитарного синдрома» включает такие признаки, как однопартийную систему во главе с «вождем» или «национальным лидером», слитую с государственным аппаратом, монополию на средства информации и превращение ее в инструмент тотальной пропаганды, тоталитарную идеологию с элементами «спасения» или миссионерства, монополию политической полиции на государственные средства насилия и принуждения, массовый террор, плановую экономику, подчиненную задачам государственной политики, полный контроль государства над жизнью населения. — Fridrich C.J., Brzesinsky Z. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. Cambridge (Mass.), 1956. Понятно, что для сравнения брать следует лишь самые поздние фазы тоталитарного режима, начало его разложения, вроде брежневского «застоя» (это, кстати, время завершения социализации и начала взрослой жизни поколения Путина, ограничения террора, конца коммунистической идеологии, роста русского великодержавного национализма, эпоха детанта).

И то и другое представление не адекватны тому, что имеет место сегодня в России.

«Путинизм» — это не тоталитаризм и это не привычные и хорошо описанные формы авторитаризма. Хотя действующий режим и возник в результате распада тоталитарной системы, невозможности ее воспроизведения, этот тип устройства власти и ее отношений с обществом отличается от тоталитаризма. Несмотря на то, что многие институциональные структуры (суд, прокуратура, армия, МВД, школа и т. п.) сохранились почти в том же виде с советского времени, сам контекст их существования и функционирования стал иным³. Прежняя система как таковая распалась, то есть утратила целостность и интегрированность своих частей, а это значит, что «части» в гораздо большей степени стали подчиняться своим собственным (ведомственным, корпоративным, клановым) интересам. Бюрократия⁴, апроприировав ранее занимаемые позиции, частично приватизировало функции государства, поставив их себе на службу. На месте относительно целостной (тотальной) системы возникло множество частных, корпоративных и групповых образований со своими частными, корпоративными и групповыми целями и интересами. Попытки, предпринятые администрацией Путина, восстановить централизованную систему власти (без политики террора, без прежних механизмов контроля и принуждения), не дают ожидаемого эффекта именно потому, что в игру вступали клановые и ведомственные интересы, которые во многих случаях гасят усилия Кремля, заставляя его договариваться, торговаться или считаться с теми, кто представляет эти интересы.

Коротко говоря, результаты типологического сравнения тоталитарных режимов и «путинизма», дают следующую картину отличий:

1. Нет прежней монополии «партии-государства» (сращения партийного аппарата и государственных органов управления), системы государственного и идеологического контроля, пронизывающих любые сферы общественной жизни, контролирующих вертикальную и горизонтальную мобильность. ЕР не повторяет КПСС ни по своему устройству, ни по функции, ни по эффективности. Роль партии власти, как и других прокремлевских партий, ограничена участием в электоральных манифестациях

³ Менялась организационная структура этих институтов, но не составили механизмы подбора и воспитания кадров.

⁴ Причем не веберовская (т. е. прусская, некоррупцированная, идеально функционирующая машина массового управления), а советская ведомственная бюрократия.

люяльности и конкуренции за представительские места в Госдуме и региональные законодательные собрания. Она не образует дублирующую инфраструктуру управления и террора, как КПСС, но и не обладает правом формирования правительства, как в демократических странах.

Путин не «фюрер», не харизматический лидер, не «демагог» и трибун, постепенно завоевавший доверие масс в ситуации глубокого кризиса, а по своей психологии и ментальности — средний чиновник «из органов», пришедший к власти в результате аппаратных интриг и сделок, которому пропаганда, уже задним числом, после прихода к власти, придала «харизматический» ореол. Его популярность и массовая поддержка объясняются не «культом» его личности, идентификацией массы с персонифицируемым им типом «базовой личности», выдвинутой в качестве коллективного символа успеха, и тому подобными интересными психоаналитическими штучками¹. Причины ее лежат в гораздо более прозаических и понятных иллюзиях масс, что его руководство страной позволит сохранить начавшийся рост доходов и некоторую устойчивость, предсказуемость жизни, с одной стороны; в устранении с политической сцены любых других влиятельных и авторитетных политических фигур, в стерилизации неофициозных источников информации и критики, в создании обстановки искусственной безальтернативности его положения, с другой. Вульгарный социально-политический и националистический популизм лишь дополняет этот образ. Следов какого-то «обожания» ВВП в исследованиях общественного мнения

¹ Нет сомнения, что массовый человек опознает и с удовлетворением «прочитывает» в действиях и жестах Путина, шокирующих иностранную или российскую публику, возможность символического изживания своих собственных комплексов униженности, бездарности, неполноценности, бесконечной зависимости маленького человека от произвола других, более сильных, чем он (начальства, иностранцев, инородцев, людей талантливых и способных, обладающих верой в ценности и значения, выходящие за пределы его разумения). Но не это главное — более важным здесь оказывается воображаемая игра = идентификация в то, что подобный человек, внутренне лишенный оснований для самоуважения, сознания собственного достоинства или чести, достигнув высшей власти, может освободиться от бремени внешнего контроля, необходимости кому-то что-то доказывать и предьявлять в качестве удостоверяющих знаков своей ценности. Не наличие программы, идей или убеждений делают Путина коллективным символом власти, а как раз их *значимое и демонстративное отсутствие* обеспечивает массовое признание его в качестве «своего» в сочетании с фасцинирующей силой неприкрытого, показного «права» на принуждение (имеющего отчасти садистский характер). Целесообразность произвола помещена в функциональный центр системы. «Чечня» (или «Северный Кавказ»), «Дело ЮКОСа» и им подобные акции оказываются парадигмой российской политики.

не отмечено. В этом смысле основа доверия к нему вполне консервативна и не связана (как у собственно тоталитарных вождей) с идеями «нового мирового порядка».

2. Нет «единоспасающего» и «все объясняющего» учения, «политической религии», тотальной по охвату мобилизационной идеологии, в принципе стремящейся навязать массам идею построения «нового мира» и «нового человека». Уже в брежневские времена роль идеологии свелась к оправданию практики государственного принуждения, ограничения и дисциплины (принудительный «аскетизм» массовой повседневной жизни) и к замене коммунистического миссионерства великодержавным национализмом. Отсутствие идеологии означает, что «путинизм» не в состоянии предложить каких-либо значимых для массы населения политических ориентиров или целей развития общества, (кроме обещаний сохранить то, что есть сегодня). У него нет какой-либо притягательной картины завтрашнего дня (и сурковский агитпроп не в состоянии придумать что-либо в этом роде)². Все разговоры властей о необходимости «двигаться вперед», об инновациях, инвестициях и модернизации стоят столько же, сколько и прежние планы «удвоения ВВП» или «национальные проекты», мало сказывающихся на состоянии общества и экономики. Это чисто советская практика «отчета планами на будущее», а не о реально проделанной работе. Разговоры о «4-х И» (уже забытых³) или словеса «Вперед, Россия», равно как и Послание к Федеральному собранию — это повторяющиеся попытки подновить характер легитимации власти, а не выдвигать политическую программу (поэтому в организационном плане все эти выступления лишены конкретики и практических мер). Они не компенсируют отсутствие публичных механизмов политического целеполагания, опирающихся на консенсус общественных интересов и стремлений, а соответственно, и их представительство в каких-то устойчивых формах.

3. Внешняя политика режима не нацелена на экспансию, на образование второго «соцлагеря» или блока союзных стран; максимум возможного для него — создание санитарного кордона или защиты против западных влияний, вестернизации, без которой невозможен процесс модернизации (подавления перспектив

² Впрочем, ясных картин будущего нет и у оппозиции; как власть отчитывается «планами на будущее», так и ее оппоненты могут оперировать исключительно представлениями о «вчерашнем дне», отталкиваться от них.

³ Институты, инфраструктура, инвестиции, инновации.

политической или экономической интеграции с Западом). Геополитическая демагогия предназначена, главным образом, для поддержания самоидентичности режима и подчинена задачам внутренней консолидации его элиты вокруг власти, «защищающей» страну от враждебного окружения и «пятой колонны»: либералов — агентов Запада. Она имеет исключительно изоляционистский или компенсаторный характер (т. е. нацелена на необходимость учета внешними силами «национальных интересов России» в ближнем зарубежье, требований «уважения» ее со стороны ведущих игроков на мировой политической сцене).

4. Нет специфического для тоталитаризма *соединения террора*, массовых репрессий¹, и *тотальной пропаганды*, создающих в обществе атмосферу парализующего страха, упраздняющего и саму мораль, и «общество» как тип солидарных связей и объединений. Надзор за СМИ сегодня радикально различен в зависимости от объема их аудитории — он жесткий на ТВ, слабый в печатных средствах информации, и пока еще отсутствует в Интернете. Нынешняя кремлевская пропаганда не тотальна, она захватывает лишь часть передач (прежде всего в новостных форматах, задающих восприятие событий и интерпретацию происходящего, а также в тематически направленных материалах: борьбы с «терроризмом», антизападных, дискредитирующих оппозицию или конкурентов в политике и бизнесе). Однако это не означает, что ослабло манипулирование общественным мнением. Оно стало другим, изменилась технология господства над массовым сознанием: сегодня разорвана связь между деятельностью партий (и не только находящихся в оппозиции к власти, но, условно говоря, «оппортунистических», «центристских»), общественных организаций и СМИ, которая была чрезвычайно значимой и эффективной в 90-х гг. Тем самым оказались парализованы возможности информирования основной массы общества о состоянии дел и критической, *публичной рефлексии* над тем, что происходит в стране и в Кремле. Установить ответственность властей за те или иные политические действия или решения стало невозможным. Роль ведущих СМИ (ТВ, га-

зет с большой аудиторией — КП, МК, АиФ), помимо пропаганды режима, сведена к стебу, к развлекаловке, потребительскому гедонизму, расслабляющему массажу массового сознания, нейтрализующему внимание населения к социальным вопросам².

5. Нет огосударственной, централизованной, планомерно-распределительной экономики (подчиненной целям режима — концентрации ресурсов и усилий для проведения политики форсированной милитаристской модернизации, а позже, при «застое», — обеспечения статуса мировой супердержавы, авторитета и роли «великой державы»); сегодня нет и приоритета госсобственности или принудительной системы труда; сохранение госсобственности (в виде госкорпораций или секторов, выключенных из рыночной экономики) обусловлено преимущественно эгоистическими и корыстными интересами тех кланов, у которых сосредоточена власть («распил бюджета»); остатки ВПК не в состоянии перевооружить российскую армию, и работают скорее на экспорт, т. е. как одна из госкорпораций, ориентируясь в первую очередь на собственные прибыли (то же и о других секторах госэкономики); экономика сегодня в очень большой степени децентрализована и устроена гораздо сложнее, чем это было в СССР.

6. Нет режима закрытого общества, есть режим полупрозрачности³.

7. Нет прежней системы кадрового резерва (институт номенклатуры разрушен вместе с КПСС; частичным заменителем номенклатуры выступают кадры спецслужб), отбора во власть и продвижения по бюрократической лестнице, прежняя система вертикальной мобильности разрушена; открывшиеся было в первой половине 90-х гг. карьерные каналы сегодня закрылись или действуют по принципам «очень избирательного средства».

¹ Единственный урок, который руководство бывшего КГБ и партноменклатура извлекли из эпохи Сталина, заключается в том, что использование террора как политического инструмента ротации кадров очень быстро оборачивается против самой номенклатуры и чекистов, поэтому в целях самосохранения режим должен ограничивать репрессии рамками избирательных или профилактических преследований отдельных групп.

² Роль немногих оставшихся сравнительно независимыми печатных изданий («Ведомостей», «Новой газеты», «The New Times», «Коммерсанта» и др.) более сложна. В силу ограниченности своей аудитории (каждое из них располагает аудиторией, масштабы которой не выходят за пределы 180–200 тыс. экземпляров, т. е. в целом, учитывая пере-сечения, охватывают примерно 600–800 тыс. читателей), они не могут конкурировать с основными каналами массовой пропаганды и работают как межгрупповая коммуникация внутри элиты или околоэлитных слоев, поддерживая необходимую рефлексии публики в связи с происходящими событиями, «выпускание пара», критику чрезмерных злоупотреблений власти и определение рамок возможного, т. е. выполняют функцию обратной связи, пусть даже и искаженном виде.

³ Он касается, прежде всего, информационных и языковых барьеров, отсутствия доступа к необходимой литературе для студентов и научных работников.

8. Ментальная и психологическая опора режима — периферия, консервативная и депрессивная среда, не имеющая собственных ресурсов для выхода из ситуации распада советской социальной инфраструктуры. Элита оппортунистична и продаст нынешнее руководство, как только увидит, что режим начал трещать. В институциональном отношении режим опирается на силовиков (включая суд)¹.

В идеологическом плане путинский режим может предполагать только лишь идею консервативного противодействия изменениям системы, а это значит, что он руководствуется, главным образом, интересами самосохранения. Для модернизационных рывков у нынешней российской власти нет ни сил, ни ресурсов, ни идей, ни лидеров. Режим, может быть, и понимает необходимость модернизации, но боится ее, поскольку подобная трансформация сопряжена с отказом от госконтроля во многих важнейших сферах и реальным риском потерять всю полноту распорядительной власти, которой он сегодня располагает. Во внутренней политике ставка делается на защиту любыми средствами полученной власти: дискредитация и вытеснение оппозиции из публичного пространства сочетается с подавлением или ограничением альтернативных источников влияния, использованием тактики демобилизации, поддержанием общества (населения) в состоянии апатии и отчуждения от политики. Тем самым, в обществе поддерживается состояние ослабленных солидарных связей, атомизированности, аномического индивидуализма. В качестве условий для массовой (негативной) консолидации используется национализм (= массовая низовая

¹ Здесь самое место еще раз подчеркнуть, что в данном случае речь идет только о предварительной процедуре: постановке вопроса о возможности выделения нынешнего российского режима («путинизма» или государства, апроприированного частными «силовыми» группировками) в отдельный подвид репрессивных режимов. Другими словами, исторически конкретная форма правления, возникшая в ходе разложения советской системы, на первой стадии анализа сравнивается с «идеально-типической» конструкцией условного или обобщенного тоталитарного режима, чтобы зафиксировать наиболее значимые отклонения от исходной схемы. На следующей фазе разбора следует уточнить базу сравнения — взять не собственно «тоталитарный синдром», а позднюю фазу брежневского правления, чтобы иметь возможность проследить, как теряются отдельные признаки тоталитарной системы (идеология, террор, затем — система кадрового подбора и мобильности и т. п.), чтобы последовательно установить причинные связи между изменениями в системе и ее относительной устойчивостью (минимумом признаков, позволяющих говорить о целостности системы или ее переходе в новое качество, т. е. появление нового типа). — Я хотел бы поблагодарить А. Береловича, М. Липман и Н. Зоркую, высказавших ценные критические замечания по поводу данной работы и затрагиваемых в ней предметов.

ксенофобия) и антизападничество, подпитываемые извращенным чувством коллективной чести и комплексами «избранности», «особости», «превосходства». И то и другое — компенсация за длительное состояние унижения бедностью в советское время, за проснувшиеся надежды в 1990-х гг., изживание чувства неполноценности и коллективной травмы от утраты советской идентичности.

Только на идее «защиты от врагов» многого не добьешься, и власти это понимают. Позитивной основой для признания власти и коллективного самоутверждения может быть лишь устойчивый рост повседневного благополучия, массовых доходов, обретение собственности значительной частью населения. С этой жадной самоуважения, самоутверждения и признания мало что может сравниться, но сами по себе эти основания очень хрупки, так как социальные и институциональные условия для повседневного признания ценностей упорного труда и достижения («русская модель рынка труда», по Р. Капелюшникову и В. Гимпельсону) не слишком благоприятны, а изменения в лучшую сторону не так велики, как это казалось в годы недавнего роста. Дисквалификация таких моральных представлений, как справедливое вознаграждение за труд, «заслуга», а соответственно, понятий «честности», «порядочности», «доверия» и т. п., продолжалась в течении жизни нескольких поколений советских людей.

Поэтому восстановление тоталитарной системы невозможно.

Сравнение «путинизма» с «авторитаризмом» более сложно, поскольку само понятие авторитаризма гораздо более расплывчато и уже описанных его типов² значительно больше, чем общая модель «тоталитаризма», предло-

² См.: *Linz J.J. Totalitäre und autoritäre Regime / Hrsg. von R. Kraemer. B.: Berliner Debatte Wiss.-Verl., 2000* (немецкое издание представляет собой переработанный и дополненный вариант более ранней его работы: *Totalitarianism and Authoritarian Regimes // Handbook of Political Sciences. 1975. Vol. 3. «Авторитарными»* (в отличие от тоталитарных) Линц называет «такие политические системы, которые характеризуются ограниченным, но лишенным ответственности политическим плюрализмом, в которых нет какой-либо систематически разработанной и руководящей или сакральной, миссионерской идеологии. Они, однако, обладают отчетливо выраженными формами ментальности, которые допускают и оправдывают жесткое массовое управление. В этих системах невозможна какая-либо экстенсивная или интенсивная массовая политическая мобилизация (хотя в их собственной истории становления подобные моменты мобилизации вполне возможны). Власть здесь имеет и осуществляет вождь (иногда узкая группа лиц) внутри формально едва ли определенных, но фактически вполне предсказуемых границ. ...Авторитаризм довольствуется политической апатией, пассивным терпением и послушанием поданных, оппортунизмом и цинизмом элиты» (Р. 144, 145).

женная К.-Й. Фридрихом и З. Бжезинским. Путинизм имеет мало общего как с формами традиционного авторитаризма (патернализма, султанизма), так и с формами авторитарного транзита (недемократических режимов, последовательно проводящих политику модернизации экономики и общества, как это было в Южной Корее, Сингапуре или на Тайване¹. Он существенно отличается и от известных типов «абортивной модернизации» (к последним можно отнести и постколониальный деспотизм в африканских государствах, и военные режимы, «хунты», возникшие в результате захвата власти группой офицеров, и типы репрессивных правлений, утвердившиеся благодаря установлению однопартийной диктатуры, или террору политической полиции, например, на Гаити).

Однако определенное сходство путинского режима с «классическим» авторитаризмом, несомненно, можно установить. Это, прежде всего, такие его черты, как

а) квазиперсоналистический характер режима (представление о том, что «все решает Путин»); сужение или деградация сферы политического (публичных обсуждений о целях политики и цене и средствах их реализации); превращение правительства в технический аппарат исполнения «воли автократора» (большинство министров в российском правительстве — технические фигуры, специалисты, исполнители, а не выдвиженцы партий, победивших на выборах в парламент, не политики, соответственно, они не несут ответственности перед избирателями или обществом в целом за проводимую «национальным лидером» политику);

б) растущий объем апелляций к «русским традициям», усиление значимости «традиционализма»; подобные тенденции указывают на значимость консервативных интересов и анти-модернизационных ориентаций;

в) быстрое увеличение масштабов коррупции, захватывающей все основные сферы государственного устройства; коррупция — реакция на примитивность структуры управления («ручной» характер управления), неэффективность государства, административный произвол, воз-

¹ Режимы авторитарного транзита нельзя рассматривать в качестве самодостаточных, а значит, сравнивать их с Россией, поскольку они — в очень большой степени — опирались на институциональные структуры, созданные либо еще колониальной администрацией (например, правовое государство, персонал, получивший образование в западных университетах, в Гонконге, Сингапуре), либо оккупационной, получали помощь и многостороннюю поддержку США (Тайвань, Корея, Япония). России в этом плане надеяться не на что.

никающий вследствие недифференцированности власти, соединение в одной точке законодательной и исполнительной функции при отсутствии баланса «контроля и противовесов». Источник российской коррупции — устройство самой власти, несимметричный характер ее отношений с обществом и экономикой. Открыто признаваемая руководством страны коррумпированность системы означает публичную констатацию неспособности центральной власти справиться с функциями государства и скрытое требование признать сложившуюся клановую систему, частнокорпоративный характер государственной власти в стране как факт или особенность нынешнего безальтернативного порядка². Коррупция оказывается одним из мощных механизмов интеграции (подкупа как населением государственных служащих, так и государством — населения);

г) снижающееся (относительно и в разных секторах в разной степени) качество управленческого персонала, вызванное особенностями подбора кадров, селекцией «человеческого материала», поступающего в аппарат ведомственных управлений, суда, Госдумы и т. п.

«Персонализм» нынешнего режима внешний, он скрывает одно важное обстоятельство: сам по себе ВВП лишь номинальное выражение для сложившейся расстановки сил в самом узком круге лиц, вырабатывающих и принимающих все важнейшие кадровые и экономические решения, задающих направленность и общий тон политики в стране. Как мне представляется (возможно, ошибочно), Путин (реальное лицо) сам лично в гораздо большей степени зависит от круга лиц, «принимающих решения», чем «они» от него. Едва ли Путин определяет его состав или ограничивает доступ к нему³. По ряду признаков можно предположить, что сам он — функция этого теневого руководства; в лучшем случае он может лидировать среди них, играя на соотношении сил внутри высшего эшелона руководства, выступая в качестве арбитра конкурирующих между собой властных группировок. Но ни личные его способности, ни стиль политического управления (тактика проведения «спецопераций» против намеченных групп влияния или интересов) не позволяют

² Замечательна массовая реакция на немецкий доклад о Лужкове. По последнему опросу Левада-Центра (октябрь с. г.), 77% москвичей, считают, что слухи и разговоры о коррумпированности Лужкова (предпринимательских «успехах» Батуриной) соответствуют действительности, но 36% «не обращают на это никакого внимания».

³ Этот тезис серьезно обосновать я не могу и предлагаю рассматривать как гипотезу.

видеть в нем государственного деятеля. Как и сложившаяся при нем система, он не выходит за рамки решения проблем адаптации к внешним изменениям. Отсюда — разнообразные суррогатные формы псевдоинституциональных инноваций — Общественная палата (региональные общественные палаты), парамилитарные или параобщественные движения молодежи — «Наши», «Молодая Гвардия» (близкие по своей функции к фашистским штурмовым отрядам на ранних стадиях развития тоталитарных режимов, но не достигающие характерного для тех уровня организованности и эффективности), общественные приемные (напоминающие по своей идее ящики для жалоб и доносов, придуманные Павлом I), дискуссионные шоу на ТВ, послания к Федеральному собранию и т. п. Путин не задает программу деятельности государственной бюрократии, а пытается приспособиться (удержать рутинную конструкцию бесконтрольной власти) к нарастающим явлениям децентрализации господства и возникновению новых локусов авторитета и влияния. Представить себе, что он контролирует сами условия возникновения этой композиции власти, состав этого круга, трудно. «Путин» — не творец нынешнего режима, а псевдоним для сложившейся конвенции представителей или выходцев из спецслужб, контролирующих ключевые отрасли экономики или важнейшие институты, и теневых правителей. Поэтому вся система нынешней власти принципиально рутинна, подражательна, эклектична и лишена способности к развитию.

Персонализм сложившейся системы власти отражает слабость и нерасчлененность, неравновесность российской институциональной системы. Старые институты частично разрушены, новые декларативны и неэффективны (если их оценивать с точки зрения нормативных представлений о демократии, а не исходя из интересов власти). Именно эта *недифференцированность* и опознается нами (ошибочно) как выражение личностной власти, как концентрация власти «в одних руках».

Персонализм режима (пока!) дан в ослабленном варианте: власть все еще ориентируется на соблюдение конституционных сроков президентства. А это значит, что не сам ВВП, а упомянутый узкий круг не считает Путина достаточно авторитетным и надежным для обеспечения широкой поддержки режима и принимает во внимание необходимость хотя бы внешнего или формального учета легальных процедур. Для сохранения господства нужны,

пусть даже витринные и декоративные, формальные институты: самостоятельный парламент, «независимый» суд, «электоральная демократия». Другими словами, это не та ситуация, когда власть открыто рассматривает себя как единственный источник права и законности. Для утверждения «подлинного авторитаризма» ресурсов нет¹.

В действительности в российскую структуру власти (в отличие от азиатских драконов и Японии) *не включены* отношения с собственно традиционными институтами, типа чеболи, или с аналогичными полуфеодальными образованиями (по своей этике внутрикорпоративного подчинения), или с этническими общностями (вроде китайской диаспоры в Азии), поскольку в России традиционных образований не осталось. Как нет аристократии (бывшей политически значимой в Испании при Франко), политически влиятельной католической церкви, фаланги, или, как в других странах, богатых и влиятельных этнических меньшинств и социальных общностей. Для традиционного авторитаризма в России нет ни почвы, ни соответствующего человеческого материала. Никто здесь с РПЦ или исламскими муфтиями реальным влиянием делиться не собирается. Собственно традиционалистские институты не поставляют свои кадры во власть (скорее, наоборот — КГБ использовал и использует церковь для своих нужд).

Какие-то черты характерной для авторитаризма апелляции к «традициям» здесь просматриваются, однако это всегда будет имитационный или декоративный традиционализм. Власти (в своей пропаганде) используют лишь суррогаты традиции (преподавание основ православной культуры в школе, участие первых лиц в церковных службах), взывают к этнонациональным «фундаментальным моральным ценностям», изобретают муляжи традиционных символов и ритуалов (вроде новых «праздников»). Во всяком случае, это не действенный традиционализм иранских аятолл и Ахмединеджани, не агрессивный ислам в Малайзии или на Ближнем Востоке. Церковь (РПЦ) в России не имеет собственно политического влияния,

¹ Об этом же говорит и декларативная апелляция ведущих политиков и всей пропаганды к «традициям», нужда в использовании авторитета традиционных институтов, прежде всего РПЦ (но также — постоянное обращение к искусственной символике новых воинских и государственных ритуалов, «праздников города» и проч.), отражающих дефицит легитимности режима, потребность в дополнительной и, по существу, чуждой для него, избыточной, идеологии оправдания власти, неполнота авторитета держателей власти.

она используется исключительно либо в качестве барьера против проникновения западных, либеральных идей, либо в качестве символического ресурса этноконфессионального единства (органического национального целого), эмблематики величественного прошлого, бывшей империи, а также аргументов в пользу закрытости от мира («особый путь», «особая цивилизация»). Это инструментальное, а не ценностно-рациональное, отношение к знакам традиционности должно хотя бы отчасти компенсировать дефицит легитимности власти при разрушенной легальности системы и вместе с тем укрепить основы общественного консерватизма, блокировки модернизации страны.

Режим поэтому использует два идеологических ключа: имитационный традиционализм дополняется собственно модернизационной риторикой (и у Путина, и у Медведева): «необходимость развития», внедрения с помощью государства инновационных технологий, увеличения человеческого капитала, борьбы с коррупцией и с «правовым нигилизмом», хотя дальше слов дело не идет. Последний может использоваться как средство внутривидовой конкуренции, борьбы между своими.

«Подлинный» авторитаризм не нуждается в выборах как в плебисцитарной санкции своей легитимности. Ни Кадафи, ни Франко, ни Хусейн, ни Чан Кайши и проч. не устраивали периодических инсценировок смены власти или имитации выработки консенсуса по поводу одобрения принятого политического курса. (Или я ошибаюсь?) Напротив, «путинизму» выборы как средство демонстрации массовой поддержки крайне необходимы. Электоральная «демократия» в российском варианте — это не рудимент демократической системы, а ее *замена*, аккламация, средство замещения отсутствующих механизмов политического целеполагания и политической ответственности (а значит, партийной конкуренции, парламентского контроля и т. п.).

Несмотря на видимость авторитаризма, путинский режим опирается не на традиционные институты (они слабые, практически разрушены и самостоятельно не могут воспроизводиться), не имеющие никакой связи с подлинным традиционализмом *структуры политической полиции* (советские по происхождению, но не советские по функции), сохраняющие монополию на средства принуждения и управления.

Речь идет о двойном характере власти: внешней, публичной, принимающей подобие законности, и реальной, нелегальной или неформальной, незаконной, но действенной.

Функции политической полиции радикально изменились: она уже не является «вооруженным отрядом КПСС», охраняющим интересы партократии, режима в целом, идеологического строя, инструментом надзора и контроля за кадрами, за каналами массовой вертикальной и горизонтальной мобильности, а значит, контроля над социальной структурой «общества-государства», за информационными потоками; это уже не инструмент всеобщего устрашения и дисциплинирования, принуждения к «единомыслию» и лояльности, не средство террора и профилактических репрессий против диссидентов и инакомыслящих. Но она может использоваться и как средство целевой экономической, кадровой, информационной (секретной) политики власти.

Сегодня политическая полиция не столько *инструмент для власти*, сколько она фактически сама стала *властью*. Органы, сохраняющие монополию государственного насилия, в условиях кризиса всех систем управления в середине 1990-х гг. оказались *единственной организованной силой*, казавшейся тогда высшему руководству последней надежной опорой для себя. Ни слабая, только возникающая многопартийная система, ни поддержка общества не позволяли видеть в них надежный инструмент удержания власти или обеспечения личной безопасности ельцинского окружения (а руководство спецслужб давало такие гарантии). Однако, сделав ставку на спецслужбы, ельцинская администрация очень быстро оказалась в заложниках политической полиции, которая именно благодаря своим особым возможностям (полномочиям действовать вне легальных рамок, правил и институтов) сумела не только подчинить себе руководство страны, но и, тем самым, стать экстраординарной частью социально-политического порядка в стране. Кадры спецслужб (как это показывают исследования О. Крыштановской) на три четверти образуют высший состав руководства страны, на треть — средний уровень государственного управления. Но дело не столько в удельном весе соответствующих «сотрудников» в органах управления, сколько в изменении практики управления. Обеспечивая в первую очередь принудительное, но незаконное или слабо легитимированное перераспределение собственности, финансовых потоков, административного влияния, став теневой частью политического руководства, спецслужбы превратились в субститут прежней плановой регуляции экономики (квази-государственного регулирования) и суррогат кадрового резерва для власти.

Трудности понимания нынешнего устройства власти заключается в том, что, включившись в борьбу за собственность и влияние, политическая полиция неизбежно утратила свой функциональный характер: из инструмента проведения определенной политики, заданной другими авторитетными структурами (источниками целеполагания — ПБ, ЦК, партийной номенклатурой, новой российской властью после краха СССР), она сама стала частью политической власти (принятие решений, целеполагание). Руководство политической полиции, заняв важнейшие позиции в системе государственного управления, апроприировало не только ключевые позиции в рыночной экономике (в полугосударственных и государственных корпорациях), но и, войдя в состав политической верхушки, т. е. структуры, ответственной за выработку стратегического курса страны, внутренней и внешней политики, ставит и решает политические задачи, что, по сути дела, полиции не свойственно, она для этого не приспособлена. В таких условиях исполнительная бюрократия (пусть даже она использует нелегальные способы работы) начинает сама задавать себе цели государственного управления, что противоречит характеру авторитета высшего руководства. Авторитет руководства страны (признание права господства) должен иметь иные основания легитимности, а значит, другой тип квалификации и компетенции, другой лифт для прихода к власти, нежели служба в полиции или какие-либо иных исполнительных структурах управления. В противном случае бюрократия, не имеющая противовесов и контроля, внешних инстанций целеполагания, начинает работать на себя. Что мы и имеем в случае «путинизма»: целями национальной политики при Путине оказываются задачи самосохранения тех, кто оказался у власти. Дискредитация «лихих 90-х» направлена не просто на «правительство реформаторов», а на саму идею реформирования системы, модернизации государства и общества.

Здесь возникает одно очень важное обстоятельство: сочетание легальных и нелегальных (тайных, секретных) методов оказывается одним из основных ресурсов нынешней власти, указывающих на ее происхождение. Практика работы тайной политической полиции, специфика ее методов — осуществление нелегальных действий (провокации, возбуждение ложных процессов, использование закрытых и нелегальных источников информации, внедрение агентов и т. п.) в условиях, когда спецслужбы

становятся властью, получают дополнительное постоянное легальное прикрытие. Видимая *целесообразность* отдельных действий, характерная для работы политической полиции в целом, — например, рейдерский захват объектов чужой собственности, коррупция в особых масштабах, присвоение государственной собственности, убийство противников, бомбардировки гражданского населения своей же страны (как это было осенью 1999 г. в Грозном) без объявления военного или чрезвычайного положения, — безусловно, вступает в противоречие с законом, однако, монополия на правоприменение и толкование закона, ведение следствия и т. п. «снимают» проблему, поскольку любое противодействие представителям легальной власти оказывается противозаконным. Буква закона превращается в высшее беззаконие, по отношению к которому население абсолютно беспомощно, так как в стране нет инстанций, могущих квалифицировать это как преступление.

Дело не в самих кагэбэшниках, чекистах и тому подобных, и даже не в собственно политической полиции, а в том, что присущая им *практика исключения из общих правил* (на то она и «тайная полиция», особый отдел, «специальная служба») была распространена на всю область публичной (и в частности, политической) жизни. Политика «двусмысленности» стала если не общепринятой, то приемлемой, допустимой, распространенной, поскольку сопровождалось легальным принуждением в виде решений суда и других законных органов власти¹. Понятия «закрытого», «особого», «чрезвычайного» и «незаконного» уравниваются по своим правовым следствиям. Таким образом, речь идет о принуждении людей к тому, чтобы признать тождество узкогрупповых или отдельных институциональных, ведомственных, даже корпоративных интересов в качестве национальных, государственных вопросов, т. е. интересов «всего целого».

¹ Именно поэтому любые предложения С. Ковалева о введении чрезвычайного (или военного) положения в зоне боевых действий в Чечне в 1999 г., т. е. попытки ввести экстраординарную ситуацию в рамках хоть какого-то, пусть и не оптимального, но правового регулирования, решительно отклонялись, несмотря на все его усилия.

Можно позиционировать Сталина как эффективного менеджера (не потому, что идет оправдание его преступлений, террора и т. п.), а потому, что тем самым утверждается, сохраняется или воспроизводится целесообразность как принцип господства и устройства государственной власти, как способ мышления — исключения нормы общезначимости закона, равенства всех перед законом, сам принцип достоинства отдельного человека, его собственности, его прав, равенства всех, включая и власть, без чего не может работать демократия. Именно поэтому аморализм и «чекизм» — родственные понятия, хотя и не могут подменять друг друга.

По существу это означает исключение «общества» не просто из политики, а из числа факторов, подлежащих учету, принятию во внимание теми, кто обладает властью. Для чекистов категория «общество» лишена смысла. Действующий суд в этом плане включается в процесс вытеснения (или подавления) общества и разрушает саму идею права или правосудия, справедливости, что и создает нынешнюю специфическую атмосферу в стране. Законы принимаются такие, которые отстраняют участие общества в делах, имеющих публичный интерес, общее значение, делается все, чтобы не допустить «чужих» и посторонних к участию, контролю и выработке политически значимых решений. Отсюда и появляется то отчуждение от политики, массовая апатия, которая является реакцией на осознание самого факта, «что сделать ничего нельзя». Это не какой-то архетипический монархизм или любовь к крепостному состоянию, это понимание людьми реальности и собственной беспомощности перед организованной властью.

В этом плане реплика Путина в ответ на информацию о демарше в Госдуме партий, не прошедших на последних выборах: «Хватит истерики, пусть обращаются в суд», — не просто проявление лицемерия или демонстративного глумления над самим смыслом правосудия, а своего рода формула «путинизма». Зависимый суд и принимаемые законы, которые не просто не учитывают интересы населения, а впрямую защищают власть от него, делают отдельного человека беспомощным и беззащитным перед этим декорированным произволом. Сам закон в этих случаях теряет статус и силу легальности. То же самое можно сказать и о политических процедурах: принятие важнейших политических и государственных решений носит абсолютно закрытый и непубличный, тайный характер и лишь затем оформляется, декорируется, штампуются Госдумой, тиражируются СМИ, политиками и правоохранительными организациями. То государственное насилие, которое пронизывало всю капиллярную структуру советского общества, сегодня свернуто до зоны интересов самосохранения власти, а она уже не всеобща.

Закрытость власти соотносится с отсутствием механизмов публичного обсуждения последовательных и *признаваемых обществом* в лице парламентариев политических целей. При таких условиях открытые и согласованные механизмы политического целеполагания, которые требуют репрезентации общественных мнений,

взглядов и интересов (свободных СМИ, независимого парламента, многопартийности) и ответственности за правомерность используемых политических средств, становятся невозможными. Еще раз подчеркну, это другая технология власти, нежели в советское время. Персонализм — это иное выражение нелегальности политики в современной России, дегенеративности всей политической системы. Наличие неназываемых мотивов и интересов держателей власти отражает неинституционализируемость политики, права. Это обстоятельство, а не «неотрадиционализм», мифическая любовь русских к «сильной руке» или их «исконный монархизм» и т. п. оказывается препятствием для модернизации. Его нельзя уподоблять вождизму времен культа личности.

Слабость легальных институтов принципиально отличает нынешний режим как от авторитаризма, так и от тоталитарных форм господства, не нуждавшихся во внешнем декоративном оформлении. Недифференцированности и нелегальности устройства высшей власти (обязательному использованию административного ресурса, фальсификации выборов, рейдерству в сфере экономики, цензуре в СМИ, противоречащей Конституции) соответствует дефицит легальности, ставший хроническим, поскольку он структурно обусловлен. На компенсацию его и направлены все усилия по установлению контроля над парламентом, судебной системой и другими силовыми структурами, этому подчинены любые структуры управления. Нынешняя ситуация непрозрачности сферы высокой политики (сферы принятия решений) является следствием недифференцированности институтов власти, что, в свою очередь, порождает обостряющиеся внутренние противоречия внутри ее узкого состава (появления у политической полиции собственных экономических интересов ведет к внутривидовым конфликтам, о чем свидетельствует целый ряд симптомов, вроде статьи В. Черкесова в «Коммерсанте» прошлым летом), а эта фрагментация власти толкает к усилению полицейского режима, к использованию силы в качестве средства регуляции напряжений и конфликтов.

Таким образом, способы работы спецслужб становятся одной из важнейших форм технологии массового государственного управления: инициирование разного рода провокаций, судебных процессов, войны на Кавказе, конфронтации с ближайшими соседями получают обязательное законодательное, юридическое оправдание и оформление.

Политическая полиция, став во главе государства, накладывает свой отпечаток на функционирование всей политической системы: прежние публичные или полуоткрытые механизмы конкуренции и репрезентации групповых и институциональных интересов подавляются и заменяются нормами лояльности, общностью корпоративных интересов, задачами централизации и унификации управления. Вместо устойчивых и эффективных институтов управления, упорядоченных каналов карьерной мобильности (а соответственно, критериев квалификации чиновников и претендентов на госслужбу, дифференциации зон и сфер компетенции, правил признания достижения) приходят чисто командные или коррупционные нормы отношений. Чекисты перекрывают возможности и каналы мобильности другим группам в обществе¹.

Однако, заняв все важнейшие стратегические позиции во власти и ключевые позиции в экономике и управлении, выходцы из спецслужб неизбежно оказываются в конфликте с собственными корпоративными нормами. С определенного момента уже нельзя говорить о единстве их интересов. Функции тайной политической полиции (спецслужб), равно как и других видов полиции (МВД, ФС по контролю за наркотиками, таможни и т. п., а также, но в меньшей степени – армии), радикально меняются – они работают не на «систему» в целом, а на интересы определенных кланов. Как только появляется право распоряжения собственностью и экономическими ресурсами, возникает столкновение материальных и властных интересов, стремление обеспечить частные и групповые позиции, перевести ресурсы власти в частные капиталы, что, естественно, вызывает конфликт интересов и противоречия между различными кланами и корпорациями. Процессы латентной децентрализации власти и появления конкурирующих между собой скрытых групп интересов (корпоративных, региональных, финансово-административных) определяют *содержание* нынешней внутренней и внешней политики в стране – «распил бюджетов», рейдерство, обеспечение монополизации или льготных условий для ведения бизнеса, в том числе и за границей. Жесткая борьба за

власть разных групп интересов чиновничества и аффилированного с ним бизнеса выступает (пока) функциональным аналогом и заместителем террора.

Численный рост и монополизация политического пространства «Единой Россией», подбирающей все новые и новые группы чиновничества, не прекращают борьбу различных групп за власть и ресурсы. Откровенное использование административного ресурса в пользу ЕР на последних региональных выборах означало вытеснение уже не демократической и прозападной оппозиции, а кремлевских политических новообразований – партий, служащих для абсорбции социального недовольства и управления протестными настроениями (СР, ЛДПР), оказавшихся ненужными на этой фазе конкуренции за доступ к рычагам управления и распределения власти. Сомнительность результатов выборов, обусловленных фальсификацией голосов, вбросами бюллетеней или переписыванием протоколов избирательных комиссий, не влияет на формальную легальность самой процедуры и не меняет легитимности полученной власти. Цель всех этих манипуляций – обеспечение монопольного контроля нынешней администрации на выборах 2011 и 2012 гг., а значит, возможность сохранения нынешней системы до 2025 г.

Функции партийного аппарата сводятся лишь к обеспечению демонстрации и инсценировок массовой поддержки. Но из этого же вытекает и отсутствие представлений о будущем как у массы, так и у самой власти: поэтому нет и «воодушевляющих идеалов и целей» решительной государственной политики. Модернизационная риторика Путина или Медведева – это не стратегия политического движения, а компенсация дефицита легитимности, чисто демагогическое прикрытие временщиков². Реальной же оказывается антимодернизационная направленность государственного функционирования, систематическое упрощение структуры управления, что соответствует реальным, а не декларативным задачам сохранения власти.

Подытоживая все сказанное, я определяю «путинизм» как систему децентрализованного использования институциональных ресурсов насилия, сохранившихся у силовых структур, оставшихся неизменными от тоталитарного режима, но апроприированных держателями власти для обеспечения своих частных,

¹ Поэтому не партии (партии власти и примыкающие к ним) задают направление и определенность политического курса, а теневой кабинет и неформальные группировки. «Единая Россия» является не кадровым ресурсом, а лишь средством привязки части среднего бюрократического аппарата к режиму, административным ресурсом. Последний может использоваться и без партийного давления.

² Декларируется необходимость прежде всего технологической и – в меньшей степени – экономической и образовательной модернизации, но реально ни того, ни другого не будет.

кланово-групповых интересов. Легитимность власти в любом случае остается достаточно проблематичной, инерционной, легальной лишь в узких формальных рамках и при условии отсутствия широкого массового протеста, что делает сам режим достаточно неустойчивым, по меньшей мере — с сомнительными шансами в пер-

спективе на воспроизводство или мирный порядок передачи власти. По своим последствиям «путинизм» — это последовательная политика противодействия процессам модернизации, использования новых технологий господства для консервации структуры власти.

Приложение

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК РАЗЛИЧНЫХ РЕЖИМОВ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ¹

Тип системы	Тоталитаризм	Авторитаризм	Демократия	«Путинизм»
Лидер	Харизматический или псевдохаризматический вождь, бюрократически организованный культ вождя как отца или спасителя нации	«Сильная личность», национальный лидер, мачо, «отец нации», носитель консервативных и традиционалистских идеалов и мифов	Выбранный и ограниченный по срокам правления (= реализации предвыборной программы) президент или премьер-министр	«Медийный президент» — аппаратный выдвиженец с последующим «наведением» «харизмы национального лидера»; зависимость от ближайшего окружения — влиятельных теневых группировок
Выборы	Необязательны, нерегулярны; принудительные, инсценированные ритуалы одобрения действующей системы власти	Могут не проводиться, если проводятся, то имеют характер аккламации, церемонии одобрения тех, кто уже обладает всей полнотой власти	Регулярны, свободные, конкурентные, многопартийные	Необходимы; регулярные, управляемые, фальсифицируемые, подконтрольные властной элите; Функция — аккламация лидеров и «партии власти»
Правительство	Номенклатура	Назначаемое авторитарным правителем	Партийный или коалиционный кабинет министров	Технические министры под контролем силовых держателей власти
Идеология	Миссионерская или экспансионистская тотальная идеология «нового мира», «нового человека», строительства великой нации, милитаризм	Традиционализм, изоляционизм, риторика «социального согласия и национального единства»	Плюрализм, множественность идеологий	Эклектический популизм, сочетание компенсаторного национализма («возрождающейся великой державы»), имитационного традиционализма и риторики модернизации
Разделение властей	Принципиальная недифференцированность власти, партийно-государственное дублирование контуров управления; подчинение вождю или верхушке политического руководства	Отсутствует или носит декларативный характер	Четкое институциональное разделение ветвей власти, определение компетенций, функций, сфер ответственности, взаимный контроль, система «сдержек и противовесов»	Номинально провозглашено, но реальная власть принадлежит теневым кланам и силовым группировкам, подчиняющим себе все прочие структуры управления

¹ Сводная таблица характеристик различных режимов составлена мной под влиянием схемы А. Мотыля (См.: *Motył A. Op. cit. S. 113*).

Тип системы	Тоталитаризм	Авторитаризм	Демократия	«Путинизм»
Парламент	Фасад «народной демократии» для репрессивного режима	Представительство влиятельных кланов и группировок, зависим от исполнительной власти, политически несамостоятелен	Независимый. Функции – установление общих правил (принятие законов), выработка политических целей (определение приоритетов) и контроль за их реализацией	Полностью зависим от администрации. Функция – средство формальной легитимации политики кремлевской администрации и лоббирование неформальных властных или экономических структур
Суд	Орган защиты интересов тоталитарного режима, репрессивный институт	Зависим от властей любого рода	Независим от исполнительной или законодательной власти, открыт для публичного контроля. Обладает авторитетом и влиянием	Зависим от высшей или региональной администрации или от влиятельных группировок на любом уровне; не авторитетен
Исполнительная власть, бюрократия	Слитность партийных, управленческих, хозяйственных и карательных органов	Слабо дифференцирована от других ветвей власти, подчинена администрации лидера	Подчинена парламентскому и судебному контролю, самостоятельна и независима в сфере своей компетенции (реализации политических программ и поставленных или одобренных парламентом целей)	Доминирует над другими ветвями власти; бесконтрольна в своих действиях
Характер и масштабы государственного насилия	Сочетание капиллярного тотального принуждения с массовыми репрессиями и террором	Ограничено и носит профилактический характер	Минимально, контролируется рамками суда и закона	Диффузно, административный произвол. Профилактические репрессии против отдельных лиц и групп населения
Партийная система	Однопартийность, партийный и государственный аппарат соединены в единое целое (партия = государство), монополия на кадровые назначения и, тем самым, контроль над социальной структурой и мобильностью в обществе	(Если есть.) Элемент правящей элиты, часть аппарата исполнительной власти	Многопартийность, конкуренция политических программ	Доминирующая партия в качестве аппарата административного ресурса; прочие партии играют декоративную или вспомогательную роль, связывая протестные настроения населения и делая их подконтрольными Кремлю, оппозиция дискредитирована и вытеснена из публичного поля
Типы элит	Партийно-хозяйственная номенклатура	Традиционалистские или консервативные группы, военная, религиозная, аристократическая верхушка; этнические кланы, клиентелизм	Многообразие автономных дифференцированных и институционализированных групп, представляющих общество в его наивысших признанных достижениях и ценностях	Альянсы интересов финансовых и силовых структур, теневые, непубличные бюрократические кланы и группы; клиентелизм, защита ведомственных и корпоративных интересов

Тип системы	Тоталитаризм	Авторитаризм	Демократия	«Путинизм»
Принципы подбора кадров во власть	Кооптация во власть по принципам идеологической и персональной лояльности	Традиционная лояльность власти, консерватизм	Бюрократическая и профессиональная компетентность, партийно-политическая карьера публичного политика	Назначение в соответствии с персональной лояльностью начальству и технической компетентностью, отсутствие публичного контроля
Состояние общества	Видимый монолит морально-политического единства «партии и народа», принудительная или механическая солидарность мобилизационного общества	Общественная апатия, пассивность, отчуждение от власти	Условная поддержка власти	Апатия, отчуждение от власти, в случаях принуждения – демонстрация условной лояльности власти
СМИ	Превращены в органы тоталитарной пропаганды и агитации	Несвободны	Свободны, конкурентны, ориентированы на интересы публики; обеспечивают информирование и публичную рефлексию над происходящим в обществе, экономике и политической сфере	Зависимы от власти, составной механизм политических манипуляций над общественным мнением; относительно свободны печатные издания с небольшими тиражами и радиоканалы с ограниченной аудиторией
Гражданские институты, профсоюзы, НКО	Проводники политики и влияния правящего режима; средства идеологического и социального контроля над обществом	Подавлены или находятся в зависимости от государственного аппарата	Независимы; играют важную роль в артикуляции групповых интересов и представлений, каналы общественного влияния на партии или правительство	Подавлены или поставлены в полузависимое положение от власти и государственного аппарата; созданы симулятивные формы публичности – потемкинские «общественные палаты»
Репродуктивные институты (система образования)	Унифицированы и полностью подчинены идеологическим и политическим интересам властей	Консервативны и зависимы от государственной власти	Многообразны, плюралистичны, дифференцированы и обусловлены интересами общества и экономики	Консервативны, зависимы от государственной власти; небольшое число привилегированных учреждений более свободно в практике обучения
Общественное отношение к власти	Мобилизация, поддержка, демонстрация массового энтузиазма, тотальный страх	Пассивная поддержка	Ответственное участие в политических процессах	Терпение и патернализм, показное одобрение при скрытом неуважении и зависти
Экономическая система	Централизованное плановое хозяйство, подчиненное политическим целям руководства страны	Частично свободная рыночная экономика, ключевые отрасли экономики принадлежат правящей элите	Рыночная экономика с ограниченными возможностями государственного регулирования, преобладание среднего и мелкого частного бизнеса	Частично свободная рыночная экономика, зависимая от частных интересов администрации (собственность в обмен на лояльность); доминирование крупных финансово-промышленных корпораций и группировок, аффилированных с государственной бюрократией

Тип системы	Тоталитаризм	Авторитаризм	Демократия	«Путинизм»
Полиция / армия, спецслужбы	Институты массовых репрессий, террора и принуждения	Составная часть правящей элиты	Институты поддержания общественного порядка и национальной безопасности, не играющие самостоятельной роли в политике	Составная часть высшего руководства и правящей элиты
Внешняя политика	Экспансия тоталитарного режима на соседние страны, изоляционизм, противостояние Западу	Изоляционизм	Подчинена политическим приоритетам правительства или партии, победившей на выборах	Консерватизм, стремление к сохранению влияния в зонах прежнего колониального или имперского господства; прагматизм (обусловленный частными интересами элиты) и умеренное противостояние Западу
Тип государственного устройства	Централизованная система управления, иерархия административных или этнонациональных территорий	Умеренный централизм	Федерализм; разделение компетенций между руководством Центра и местным самоуправлением	Централизованная система подчинения регионов; подавление местного и регионального самоуправления; власть в обмен на лояльность
Тип регуляции, масштабы неформальных связей и коррупции	Партикуляризм, директивное управление, коррупция сдерживается только страхом репрессий	Партикуляризм	Формально-правовой универсализм, коррупция ограничена общественным контролем	Партикуляризм, коррупция пронизывает все институты, без нее государственное управление невозможно
Общественное мнение	Отсутствует, заменено системой тотальной пропаганды	Ограничено	Является действенным институтом, опирающимся на свободу и многообразие информационных источников, суд и партийную систему	Манипулятивно, зависимо от системы политтехнологической работы и пропаганды
Государственный стиль	Миссионерство, державный ампиризм	Традиционализм, демонстрация власти	Национализм, сила законности, благоденствия и прогресса	Имитация «большого стиля» предшествующих эпох